

О гравитации печатной и электронной книги

Одной из форм познаваемости книги является изучение такого ее свойства, как гравитация, понимаемая как притяжение. Это свойство универсально, оно присуще как печатной, так и электронной книге. Изучать проявление гравитации предлагается через процессы чтения. Чтение определяет уровень притяжения текста к человеку. В статье рассматриваются виды чтения и реакции читателя на восприятие и понимание книги.

Ключевые слова: гравитация, печатная книга, электронная книга, виды чтения, понимание текста.

Начнем с важной для понимания смысла дальнейшего изложения цитаты: «Некоторое время архидьякон молча созерцал огромное здание, затем со вздохом простер правую руку к лежавшей на столе раскрытой печатной книге, а левую — к Собору богоматери, и, переводя свой печальный взгляд с книги на собор, он произнес: “Увы! Вот это убьет то”»¹ [2, с. 175].

Знаменитая фраза из романа В. Гюго посвящена соотношению печатной книги и архитектуры (зодчества): «Вот это убьет то. Книга убьет здание». Смысл загадочных слов архидьякона лучше всего передал сам автор, посвятив объяснению целую главу, она заслуживает особого восхищения.

Вспомним, что в «Соборе Парижской богоматери» перед нами XV в., только недавно появилось книгопечатание. До этого существовали рукописные тексты, предназначенные для малочисленной части общества. В изучении Библии, житий Христа и святых, истории помогали образы: статуи и фрески в соборах. Средневековый собор представлял собой универсальный путеводитель, энциклопедию для повседневной и загробной жизни.

В словах архидьякона «выражалось предчувствие того, что человеческое мышление, изменив форму, изменит со временем и средства ее выражения; что господствующая идея каждого поколения будет начертана уже иным способом, на ином материале; что столь прочная и долговечная каменная книга уступит место еще более прочной и долговечной книге — бумажной. В этом

**Валерий Павлович
Леонов,**
директор Библиотеки
Российской академии наук,
действительный член РАЕН,
доктор педагогических наук,
профессор

заклучался второй смысл неопределенного выражения архидьякона. Это означало, что одно искусство будет вытеснено другим; иными словами, — книгопечатание убьет зодчество. <...> Не следует заблуждаться: зодчество умерло, умерло безвозвратно. Оно убито печатной книгой; убито, ибо оно менее прочно; убито, ибо обходится дороже. Каждый собор — это миллиард. <...> А книга создается так быстро, она так дешево стоит, и ее так легко распространить! Не удивительно, что всякая человеческая мысль устремляется по этому склону!.. Великая поэма, великое здание, великое творение человечества уже не будет строиться: оно будет печататься. <...> Поистине печать — это тоже сооружение, растущее и взбирающееся ввысь бесконечными спиралями; в ней такое же смешение языков, непрерывная деятельность, неутомимый труд, яростное соревнование всего человечества; в ней — обетованное убежище для мысли на случай нового всемирного потопа, нового нашествия варваров. Это вторая Вавилонская башня рода человеческого» [2, с. 177—192].

Итак, появление печатной книги разрушало цельность соборного восприятия, побуждало к вольному толкованию Писания, вызывало интерес к дальнейшему познанию. Книга становилась основным средством передачи научных сведений, фактов современной истории, служила базой для обучения. Так наступала первая часть развязки истории с убийствами: «Вот это убьет то», что означало: книгой убьется собор, а буквами убьются образы. Спустя несколько столетий появились контуры ее второй части: «То убьет это...»

20 февраля 1909 г. в газете «Фигаро» был опубликован первый манифест футуризма, написанный итальянцем Ф.Т. Маринетти (1876—1944). Приведу некоторые небезынтересные его фрагменты:

«1. Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!

<...>

3. Старая литература воспевала лень мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспеваем наглый напор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.

<...>

10. Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль, трусливых соглашателей и подлых обывателей!

<...>

Не где-нибудь, а в Италии провозглашаем мы этот манифест. Он перевернет и спалит весь мир. Сегодня этим манифестом мы закладываем основы футуризма. Пора избавить Италию от всей этой заразы — историков, археологов, искусствоведов, антикваров.

Слишком долго Италия была свалкой всякого старья. Надо расчистить ее от бесчисленного музейного хлама — он превращает страну в одно огромное кладбище.

Музей и кладбище! Их не отличить друг от друга — мрачные скопища никому не известных и неразличимых трупов. Это общественные ночлежки, где в одну кучу свалены мерзкие и неизвестные твари. Художники и скульпторы вкладывают всю свою ненависть друг к другу в линии и краски самого музея.

Сходить в музей раз в год, как ходят на могилку к родным, — это еще можно понять!.. Даже принести букетик цветов Джоконде — и это еще куда ни шло!.. Но таскаться туда каждый день со всеми нашими горестями, слабостями, печалью — это ни в какие ворота не лезет!..

<...>

К чему это: ежедневное хождение по музеям, библиотекам, академиям, где похоронены несущественные замыслы, распяты лучшие мечты, расписаны по графам разбитые надежды?!

<...>

...А нам все то ни к чему! Мы молоды, сильны, живем в полную силу, мы, футуристы!

А ну-ка, где там славные поджигатели с обожженными руками? Давайте-ка сюда! Давайте! Тащите огня к библиотечным полкам! Направьте воду из каналов в музейные склепы и затопите их!.. И пусть течение уносит великие полотна! Хватайте кирки и лопаты! Крушите древние города!

Большинству из нас нет и тридцати. Работы же у нас не меньше, чем на добрый десяток лет. Нам стукнет сорок, и тогда молодые и сильные пусть выбросят нас на свалку как ненужную рухлядь!.. Они прискачут со всего света, из самых дальних закутков под легкий ритм своих первых стихов. Они будут царапать воздух своими скрюченными пальцами и обнюхивать двери академий. Они вдохнут вонь наших насквозь прогнивших идей, которым место в катакомбах библиотек» [6].

... Такое вот предсказание футуролога. С тех пор прошло более 100 лет, однако библиотеки, музеи, архивы, которым предвещали уход в небытие, существуют, работают, хотя и продолжают переживать очередной нелегкий переходный период.

Известно, что ветер перемен переходного периода может валить и деревья с мощными корнями. Сегодня все чаще нас уверяют, что новые технологии вытеснят книги, что в будущем книги уже не понадобятся. Даже если это правда, что в наше время новые средства коммуникации берут верх над традиционными, я убежден, что проблему следует ставить иначе. Не надо их противопоставлять, надо совершенствовать и те, и другие. Новые и традиционные средства должны *сосуществовать*, а не действовать по правилу «*То убьет это*».

То, что возникает буквально на наших глазах, есть промежуточное описание ситуаций двух противоположных картин — печатной книги и книги электронной. В промежуточном описании

заложены новые формы познаваемости. Надо искать выход из тупика и прокладывать узкую тропинку, избегающую драматического противопоставления. Промежуточное описание ставит не только новые вопросы, но и открывает новые горизонты и перспективы.

Одной из новых форм познаваемости книги может стать изучение такого ее свойства, как *гравитация* или притяжение. Это свойство (видимо, в силу своей очевидности) еще не рассматривалось как предмет специального изучения. Мне же оно показалось интересным, по крайней мере, чтобы привлечь внимание книговедов, библиографов, библиотековедов, издателей.

Сделаю небольшое отступление на тему, как я вышел на проблему гравитации книги.

...Воскресенье. Полдень. Сажу за письменным столом и разбираю накопившиеся заметки, выписки, статьи из Интернета. Рядом со мной, как всегда, лежит книга А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Обыкновенное издание небольшого формата массой около 200 г в мягкой обложке. В задумчивости я смотрю на книгу и думаю о той громадной энергии, которой она обладает. Согласно А. Эйнштейну, энергия объекта $E = mc^2$, где m — его масса (0,2 кг), c — скорость света (3×10^8 м/сек) (подробнее об этом см. [1]).

Однако используя формулу Эйнштейна, замечает С.В. Богданов, мы не очень-то задумываемся над тем, что же такое энергия? И что такое масса? Согласно определению, энергия — это способность тела производить работу. Другими словами, энергия — не материальная субстанция, а способность, свойство. Казалось бы, все ясно и просто. Но все же далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Последуем логике его рассуждений.

Энергия бывает двух типов: явная, связанная с движением тела, — кинетическая, и скрытая, возможная в принципе — потенциальная. Энергия в формуле Эйнштейна потенциальная. Для ее перехода в кинетическую, т. е. для ее реализации, нужны определенные условия и специальные устройства.

Обратимся к понятию «масса». Физики различают два вида массы. Первая — гравитационная, т. е. мера силы притяжения двух тел друг к другу. Вторая же масса получила название инерциальной. Она представляет собой свойство, способность тела сохранять свое первоначальное состояние — движения или покоя. Таким образом, у массы и энергии есть нечто общее: и то, и другое не является материальной субстанцией, а есть лишь свойства. И свойства эти разные: масса обладает энергией, а энергия обладает массой. Получается, что одно свойство влечет за собой другое...

Итак, безусловно, каждая книга обладает гравитационной и инерциальной массой. В этой массе заложена (скрыта) потенциальная энергия, позволяющая человеку ощутить силу ее притяжения и заглянуть вглубь себя. Чтобы потенциальную энергию превратить в кинетическую и почувствовать гравитацию книги, нужно ее прочитать, провести интеллектуальную работу и понять заложенный в ней смысл. Смысл — это то, что человек извлекает для себя. Таковы предназначение и задача книги.

В библиотеке книжный фонд представляет собой инерциальную массу, книги сохраняют первоначальное состояние — покоя. Движение начинается по запросам читателей. При этом надо помнить о том, что в пространстве каждой библиотеки действуют свои силы притяжения, обусловленные ее особенностями, задачами, функциями и составом читателей. Притяжения — это взаимоотношения, коммуникации книги с человеком. Почему при встрече что-то не получилось? Видимо, по каким-то причинам не было соответствия, притяжения не состоялись. Потери здесь неизбежны.

Что же заложено в гравитационной массе книги? Посредством притяжения к ней читатель, заглянув в себя, смог бы сделать шаг вперед, смог бы обогнать время, отпущенное ему природой для жизни. Как де-

лается шаг вперед? Путем обнаружения в книге описания похожего опыта. Заглянув в свою душу, человек делает (благодаря книге) выбор и тем самым выступает против человеческой ограниченности...

Книгу можно рассматривать как зеркало авторского послания, зеркало автокоммуникации. В ней он выражает себя без обращения к конкретной личности. Автор создает свое поле гравитации, но, чтобы его почувствовать, нужно признание. Оно достигается путем поиска родственной души, а это очень непросто. Принятие каждой новой книги другими всегда проблематично, это поиски «своего» автора, своего притяжения.

Для создания талантливого произведения, обладающего сильным притяжением, автору необходимо преодолеть огромное сопротивление уже имеющегося «материала». Несмотря на все старания, мы никогда не найдем ответа на вопрос: как же все это получилось? Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе автор, а на те, которые в состоянии задать себе мы, а это разные вещи. Книги окружают нас как зеркала, в которых мы видим только собственное отражение. Если оно не всюду одинаково, то это происходит потому, что все зеркала кривые, каждое по-своему. Библиография занимается строением этих зеркал — не изображениями, а их материалом и формой по правилам, действующим в ней, что позволяет ей представить и автора книги, и наше лицо.

Итак, «судьба» книги имеет свою гравитацию, определяющую ее силу притяжения в мире книг. Или иначе — это путь, прожитый и реально пройденный книгой во времени. Его нужно вынести на поверхность, извлечь из опыта смысл, описать его и тем самым возвыситься над судьбой. Но при этом никто, даже признанный обществом писатель или ученый, не застрахован от неудачи. «Помню, — вспоминает выдающийся английский математик Г.Г. Харди, — как Бертран Рассел рассказывал мне о своем страшном сне. Ему снится, что он находится на верхнем этаже университетской библиотеки в году эдак 2100-м. Помощник библиотекаря обходит книжные полки с огромной корзиной. Он берет с полки одну за другой книги, смотрит их названия и либо ставит обратно на полку, либо швыряет в корзину. Наконец, очередь доходит до трехтомного издания, в котором Рассел узнает последний сохранившийся экземпляр «Principia mathematica»². Он снимает с полки один из томов, перелистывает несколько страниц, явно озадаченный странными символами, захлопывает том, прикидывает его на руке и останавливается в нерешительности...» [7, с. 56].

Совершенной коммуникации в процессе чтения, в процессе общения читателя с книгой не существует. Исключение составляют, как подчеркивал американский библиотековед Дж. Шира,

любовные письма. Из такого письма адресат стремится «выжать каждую каплю смысла». Правда, возможно, что он получает из текста и такие знания, которых в нем нет [8, с. 8].

На основе опыта можно только предполагать, как мы используем книги и как книги влияют на нас, наметить некоторые направления, которые должны быть изучены. Если книга в руках читателя вызывает отклик, желание идти дальше по изложенному в ней пути, она устанавливает уровень притяжения у читателя между настоящим и будущим. По мере проникновения в глубину содержания текста книга становится воплощением его души. Нам необходимо новое понимание, новое познание ее роли и значения в той форме, в которой она существует сегодня — в условиях переходного периода. Познание предполагает возможность воздействия мира как печатной, так и электронной книги на нас.

Значительный отрезок времени мы будем жить в двух мирах. Но чтобы жить в них, надо серьезно переосмыслить роль библиотекаря в обществе, иначе другие категории специалистов вытеснят нашу профессию. Пока неизвестно, сможем ли мы контролировать внедрение технических средств в совершенствование библиотечного дела, книгоиздания и библиографии. Еще в 1960-е гг. Дж. Шира указывал на общепринятую точку зрения, которая в то время состояла в том, что инженеры могут сделать все: «Они могут заставить Библиотеку конгресса парить в воздухе (это, может быть, не такая уж плохая идея). Правда, им нужно для этого некоторое количество времени, но, возможно, они смогут найти способ реализации этой идеи. Но проблема выбора заключается в том, хотим ли мы, чтобы они делали это? То ли это, что нужно сделать? Лучше ли это для общества?» [8, с. 42—43].

Как ни удивительно, но это те вопросы, с которыми библиотекари уже столкнулись.

В течение многих лет, работая в БАН с крупными библиотеками и издательствами России и мира, я пришел к выводу, что именно библиотекарям — в гораздо большей степени, чем всем остальным действующим лицам — необходимо изменить концепцию библиотечного образования, пересмотреть его роль и характер деятельности.

Размышляя о будущем книги, мы, как правило, акцентируем внимание на отрицательных тенденциях ее развития, которые привносят инновации, на тех изменениях, которые необходимы для ее сохранения. В стороне остаются положительные моменты, следующие за внедрением новых средств. Их надо учитывать, на них надо рассчитывать, планируя развитие книги в перспективе по желаемому пути.

Вернемся к свойству гравитации. Это свойство, как я пытался показать, является универсальным, оно присуще как печатной, так и элек-

тронной книге. Следовательно, изучать проявление гравитации можно через процессы чтения. Именно чтение определяет уровень притяжения печатного или электронного текста к человеку.

О чтении существует обширная литература [5]. Я не буду касаться всех его аспектов, подчеркну главное. В истории чтения исследователи выделяют три «революции» [3]. Первая получила название «от свитка к кодексу», в ней сформировалось так называемое «интенсивное» чтение, превратившее книгу в объект и инструмент интеллектуальной деятельности. Как пишут во введении к изданию Г. Кавалло и Р. Шартье, «интенсивный» читатель имеет дело с ограниченным количеством книг, которые читает и перечитывает, запоминает, выучивает наизусть и передает из поколения в поколение [Там же, с. 38]. Чтение вслух «дарит книге душу», она вступает в отношения с читателем [Там же, с. 22].

Вторая «революция» — «от кодекса к экрану», знаменующая переход от «интенсивного» чтения к «экстенсивному», где читатель уже другой. Он поглощает разнообразные тексты-однодневки, читает быстро и жадно, на все смотрит критическим взглядом и подвергает сомнению прочитанное. Уважительное отношение к тексту уступает место неприужденному свободному чтению [Там же, с. 38].

Третья «революция» порождена электронной передачей текстов (основные параметры книги не изменились), где преобладает «анархическое» чтение. Это раздробленный, разнообразный процесс, полностью лишенный каких-либо правил [Там же, с. 472]. Читателю, а не писателю или издателю, дается право членить текст, разбивать его на части и самостоятельно решать, в каком виде он будет выведен на экран. Читатель имеет возможность не только производить с электронными текстами различные операции (индексировать, аннотировать, копировать, перемещать, менять структуру), но и стать соавтором. Таким образом, различие между письмом и чтением, между автором текста и его читателем стирается.

Перечисленные три «революции» чтения тем не менее связаны со свойством гравитации. Но они не дают ответа на главный вопрос: как почувствовать ее проявление? Другими словами, каким видам чтения надо обучать читателя, чтобы определить уровень его притяжения к печатной или электронной книге? Мне представляется, что в этой ситуации библиотекари и библиографы имеют преимущество. Их профессиональная деятельность тесно связана с процессами свертывания информации: индексированием, предметизацией, аннотированием, реферированием, составлением обзоров (подробнее об этом см. [4]).

Практика обучения чтению литературы показывает, что среди многих видов чтения выделяются три основных: ознакомительное, изучающее и реферативное. Под *ознакомительным* чтением (иначе его называют поисковым) понимают общее ознакомление с содержащейся в тексте информацией без специальной установки на ее последующее запоминание или воспроизведение. *Изучающий* вид чтения предполагает вдумчивое, интенсивное чтение, в процессе которого происходит запоминание содержания текста и тех языковых средств, которыми оно выражается. *Реферативное* чтение заключается в умении читателя обобщать прочитанное и на этой основе извлечь наиболее существенную информацию в сжатом виде. Это творческий вид чтения. Обучение сводится к выработке навыков нахождения и запоминания информации путем выполнения специальных упражнений, характерных для книжного вида чтения. Из всех видов чтения реферативное является самым сложным. При изложении содержания прочитанного текста используются приемы цитирования, перифразирования (пересказа) или смешанных форм.

Именно реферативное, творческое чтение определяет уровни притяжения авторского текста к индивидуальному читателю. Оно может быть: *нейтральным*, когда акт общения автора с читателем через написанный и прочитанный текст не состоялся; *слабым*, при котором со-

Примечания

держание прочитанного не вполне соответствует тому, что читатель хотел бы получить из текста; *сильным* — в сочинении автора есть не только ответы на те вопросы, которые задает тексту читатель, но и указываются возможные направления развития его интересов. Благодаря такому чтению, человек как бы заглядывает в себя самого и таким образом находит «своего» автора на длительное время. Он уже не одинок.

Изучение реакции (впечатлений) от чтения — следующее направление в изучении гравитации книги. Здесь большое поле совместной деятельности для специалистов в области библиографии, библиотековедения, психологии и социологии. Оценка гравитации, без сомнения, должна быть дифференцированной, начиная от интуитивной, основанной на понятии здравого смысла, и заканчивая набором специальных методик, которыми так богата литература упомянутых научных дисциплин.

Что можно ожидать от таких реакций? С одной стороны, они будут способствовать пониманию проблемы «анархического» чтения и помогут ученым разработать набор рекомендаций по его упорядочиванию. С другой — наличие разнообразных читательских оценок предоставит возможность исследователям внести в изучение электронного чтения литературные навыки пристального (реферативного) чтения.

Сейчас электронные тексты мы читаем поверхностно, «по диагонали», исходя из повседневного чтения в Интернете. Задача состоит в том, чтобы учиться новым способам чтения, которые ломали бы эти привычки и способствовали обретению навыков критического чтения цифровой литературы, ее оценке.

Предложенная тема о гравитации печатной и электронной книги многоаспектна. Ее изучение требует коллективных усилий специалистов разных дисциплин (я попытался начать с физики). Проявление свойства гравитации многообразно, в нем каждый читатель сможет найти свое место и внести свой вклад.

На памятнике Ш. Фурье в Париже его ученики поместили изречение, которое в их глазах подытожило всю его жизнь и его учение: *Les Attractions sont proportionnelles aux Destinées* («Притяжения пропорциональны судьбам»)³.

- ¹ Обращаю внимание читателя на важную деталь в приведенной цитате: левая рука архидьякона, обращенная к собору, символизирует олицетворение истины человеческого знания, правая — указывает на раскрытую печатную книгу. Это означает, что познание истины еще впереди, нужно приложить немало усилий на пути к ее постижению.
- ² Имеется в виду издание: *Russel B. The principles of mathematics. 2nd ed.* / B. Russel. — London : George Allen & Unwin, 1937.
- ³ Фурье Ш. (1772—1837) — французский утопический социалист, автор книги «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808). Похоронен на Монмартрском кладбище (участок 23, погребение 3).

Список источников

1. *Богданов С.В.* Энергия — масса // Вестн. РАН. — 2012. — № 4. — С. 348—352.
2. *Гюго В.* Собор Парижской богородицы : роман / В. Гюго ; пер. с фр. Н. Коган. — М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. — 512 с.
3. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье ; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Надашковой. — М. : Изд-во ФАИР, 2008. — 544 с.
4. *Леонов В.П.* Реферирование и аннотирование научно-технической литературы / В.П. Леонов. — Новосибирск : Наука, 1986. — 176 с.
5. *Мангуэль А.* История чтения / А. Мангуэль ; пер. с англ. М. Юнгер. — Екатеринбург : У-Фактория, 2008. — 384 с.
6. *Маринетти Ф. Т.* Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами : Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. — М. : Прогресс, 1986. — С. 158—162.
7. *Харди Г.Г.* Апология математика / Г.Г. Харди. — Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. — 102 с.
8. *Шира Дж. Х.* Социологические основы библиотечного дела / Дж. Х. Шира. — М. : ВИНТИ, 1973. — 52 с.

Контактные данные:
199034, Санкт-Петербург,
ВО, Биржевая линия, д. 1;
e-mail: valleo@mail.ru